

УДК 82.091

РОЛЬ ТОПИКИ В СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2009 г.

Н.В. Дубровина

Энгельсский технологический институт (филиал)
Саратовского государственного технического университета

ing@techn.sstu.ru

Поступила в редакцию 30.03.2009

Выявляются риторические модели соцреалистической литературы. Анализ основан на описании топосов, являющихся показательными для соцреалистического романа. Данные модели формируют идеологические и этические рамки содержания соцреалистического произведения.

Ключевые слова: соцреализм, топка, риторическая модель, идеологический штамп, топос.

Будучи феноменом риторики¹, литература социалистического реализма строилась по определенным схемам, готовым образцам, которые должны были отражать события государственной значимости – война, строительство крупных объектов, уборка урожая, ведущая роль партии в жизни страны и общества. Вся эта строгая заданность находила свое отражение прежде всего в топике – совокупности смысловых моделей (топов), использование которых было обязательным условием метода соцреализма.

Некоторые исследователи отрицали возможность использования определенного набора «общих мест» в реалистической литературе. П.Е. Бухаркин, в частности, отмечает, что «вопрос о продуктивности топки в реалистическом дискурсе, более того – о принципиальной возможности ее появления в постриторической словесности, остается еще в какой-то мере открытым» [1, с. 230]. Однако, во-первых, «декларированный отказ от топки, как и вообще от риторических моделей, оставался не отказом, а всего лишь декларацией» [1, с. 231], поскольку реализм, несмотря на то что «внешне отвергает риторическую модель», «все же неизбежно обращается к ним, в частности к топике». [1, с. 232]. Во-вторых, исследуемая нами литература соцреализма во главу угла ставила не эстетическую функцию произведения, а идеологическую, пропагандистскую – требование «изображать жизнь с точки зрения “должного”» [2]. Любая идеология, как известно, строится на определенном наборе готовых формул, идеологических штампов. Эти формулы преломлялись в художественной литературе в топосы – общие места. И в отличие от литературы критического реализма, произведения соцреализма, чья эсте-

тика «изначально носила нормативный характер» [3], не только не отвергали топку, но, напротив, в основном на ней и строились. Выполняя соцзаказ, писатели создавали произведения, отвечающие определенным идеологическим установкам, призванные «доводить до сознания то, что на языке постановлений доводилось до сведения <...> оформлять и приводить в некую систему разрозненные идеологические акции, внедряя их в сознание, переводя на язык ситуаций, диалогов, речей» [4, с. 323], а это невозможно было сделать без использования готового набора смысловых моделей, т.е. топосов.

При всем многообразии используемых в литературе соцреализма топосов, которые носили идеологический характер, можно выделить несколько основных, являющихся приметой данного метода: общественный долг превыше личных интересов, счастье советского человека – в труде, молодость (новое) ценнее старости (старого), человек есть винтик государственной машины, все граждане советской страны – одна большая семья. Ниже рассмотрим, каким образом осуществляется реализация названных топосов в произведениях соцреализма.

Основа топоса «общественный долг превыше личных интересов» – конфликт между долгом и чувством, личными интересами, при этом долг неизменно берет верх. Попадая в ситуацию, когда нужно выбирать между долгом и чувством, герои ведут себя по-разному: одни изначально сориентированы на то, что долг превыше всего, к этой группе относятся прежде всего коммунисты; другие некоторое время колеблются, выбирая между долгом и чувством, и в конце концов выбирают долг; третьи однозначно отдают предпочтение своим личным интересам – такие персонажи квалифицируются

как единоличники или – чаще всего – как враги. Таким образом, идейная канва топоса создает некую шкалу, в которой среднее звено (колеблющиеся) изначально сдвинуто в сторону со знаком плюс, в результате шкала выпрямляется до двух противоположных оценок. Выполнение долга понимается как нечто само собой разумеющееся: – *У нас, молодых людей, воспитанных Советской властью, должна быть сейчас очень высокая требовательность к себе.*

– *В чем? В смысле сознания своего долга?*

– *Нет, это само собой, это лежит в основе всего – преданность Родине и партии, готовность поступиться личным, даже жизнью, если требует долг* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). Наиболее яркими представителями людей долга являются, естественно, коммунисты и прежде всего партийные руководители и политработники. Так, комиссар Яхно *от зари до зари бродил по разным подразделениям полка, всюду находя себе дело* (М. Бубеннов «Белая береза»). Какие именно дела находил комиссар, автор не говорит, но вполне ясно, что все они сводились к пропаганде и «укреплению моральной стойкости».

В произведениях военной тематики топос «общественный долг превыше личных интересов» реализуется прежде всего через пафос героики, создающийся не только изображением подвигов бойцов, но и противопоставлением образов *героев и предателей*. Герои – это люди, не ведающие сомнений выбора: они однозначно выбирают долг, т.е. готовы в любую минуту идти в бой, выполнить любой (даже самый нелепый) приказ командира, пожертвовать собой не только ради товарищей, но и ради высокой идеи. Типичными *героями* являются Андрей Лопухов, Иван Умрихин, Матвей Юргин, майор Озеров, Марийка – персонажи романа М. Бубенного «Белая береза». Все они обладают такими качествами, как упорство, терпение, храбрость, готовность к самопожертвованию во имя Родины. Стремление выполнить долг во что бы то ни стало заложено в них самой природой, оно такое же естественное, как чувство голода или жажды: *За пять лет службы в армии Матвей Юргин хорошо понял, что значит быть воином. Он давно приучил себя к мысли: служить так служить! Всегда и во всем он старался показать бойцам образец мужественного несения тяжелой воинской службы. Ему никогда не нужно было понукать себя быть во всем примерным, – это стремление было у него естественным и жило само собой* (М. Бубеннов «Белая береза»).

Командиры в бою не думают ни *об опасности, о смерти, которая грозила каждое мгновение*, ни даже о том, *чтобы на виду у подчиненных показать свое бесстрашие и презрение к смерти. Каждая минута боя заставляла делать множество разных дел, и все дела, которые требовали немедленного выполнения, поглощали без остатка напряженное внимание капитана Озерова, все силы его души* (М. Бубеннов «Белая береза»). В произведениях на производственную тему долг раскрывается через необходимость жертвовать личным ради общего дела: *Кроме личных переживаний и чувств, у нас есть еще наше дело – оно важней и дороже всего...* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»).

Чувство долга может оцениваться как ложно понятое, в этом случае оно приравнивается к личным эгоистическим устремлениям человека и резко осуждается. Яркая иллюстрация ложно понятого чувства долга – желание Алексея Ковшова пойти на фронт, а не ехать на Дальний Восток для строительства нефтепровода: – *Немцы зашли далеко, катятся бронированной лавиной на Москву, судьба войны решается днями. Кому нужен нефтепровод, если даже он будет готов не через три года, а через год? Или скоро будет решительное сражение, и мы разобьем их* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). Это вполне понятное (и оправданное) для патриота желание расценивается не иначе как политическая близорукость, поскольку *«раз правительство решило продолжать стройку нефтепровода – значит, он нужен до зарезу»* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). Логика рассуждений героя оценивается как «позорная», «гнусная» и даже «антипатриотичная». Таким образом, чувство долга для советского человека – это необходимость делать то, что нужно в данный момент государству, так как *«только наши большие руководители в Москве все знают. Они и решают», «Воевать надо там, где тебя поставили старшие товарищи»* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). Главным аргументом оказывается необходимость подчинения жесткой дисциплине, указаниям «старших товарищей»: *Только после того как Архип Иванович отдельно поговорил с Груней, она согласилась с тем, что ее комсомольский долг – выполнить решение партийного собрания и выйти в поле* (В. Закруткин «Плавучая станица»). Таким образом, происходит подмена понятий: чувство долга как сознание необходимости дела приравнивается к подчинению приказам, т.е. становится фактически навязанным.

Топос «счастье советского человека – в труде» является главенствующим, сюжетно- и стилиобразующим в произведениях на производственную и колхозную тематику. В них показана жизнь людей в работе – на производстве или на колхозных полях. Личная жизнь людей, их душевные переживания выступают неким дополнительным фоном, призванным создать иллюзию правдоподобия. Этот топос является производным от предыдущего – «общественный долг превыше личных интересов»: поскольку личные интересы заменяются общественными, происходит идеологически (но не психологически) оправданная сублимация: счастье человека возможно прежде всего в труде, а потом уже в личной жизни.

Реализация топоса может осуществляться через прямую оценку – авторскую: *И будничная работа, которую Максимов всегда считал такой неинтересной, теперь, когда он был оторван от нее, казалась ему прекрасной и желанной* (А. Рыбаков «Водители») или персонажами: – *Это здорово! – качнул головой Степан. – Я уважаю настоящую работу. Без работы скучно жить на свете* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Настоящий труженик – тот, кто полностью отдает себя работе, не считаясь ни с чем: *Все знали, что с этого часа многие дни Настя будет жить, почти не слезая с трактора, что она будет есть и пить за рулем, что в глухие ночные часы, когда погаснет последний огонек в деревне, на полях, упорно и неутомимо будет идти могучая машина, и за рулем этой машины будет сидеть смуглая рослая женщина, неутомимая и упорная, как железо, как сама машина* (Г. Николаева «Жатва»).

Люди, не полностью отдающие себя труду, естественно, не вписываются в систему, поскольку их мировоззрение противоречит топосу «счастье советского человека – в труде». По логике вещей, если для них счастье не в труде, они не советские люди, а значит являются врагами (по крайней мере – потенциальными). Зачастую их так и оценивают: *У кого душа чиста, вставай под знамя и присягу перед всем советским народом давай, а в присяге этой клянись: землю свою от гадов оборонять, труд свой честный отдать Родине и коммунизм строить каждый день и каждый час... А ежели есть который такой, что его слабость берет, то нечего его и щадить* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Отношение людей к труду выстраивает иерархию, которая может не совпадать с социальной: на ее вершине может оказаться простой

рабочий, если он проявляет больше рвения в работе: *Поляков не пошел с ними. Инцидент исчерпан. А Тюркин... Что такое, в конце концов, Тюркин? Королев, грузчик, посторонний этому заводу человек, – здесь больше хозяин, чем этот незадачливый директор* (А. Рыбаков «Водители»).

Все указанные постулаты иногда фокусируются в одном персонаже, специально вводимом в сюжет произведения, *которых в народе обычно называют работягами* (В. Закруткин «Плавучая станица»). В них сочетаются (часто представленные в гипертрофированном виде) основные качества рабочего человека: любовь к труду, которая проявляется в том, что он все время работает (чем живет этот человек, мы не знаем, но это и не важно) и всегда готов выполнять новые задания; высокий, даже беспредельный профессионализм (обычно доходящий до степени артистизма), самоотверженность (для него не важны условия, в которых он работает), стремление перевыполнить любую норму, лютая ненависть к бездельникам (для подобных людей понятие *бездельник* достаточно широкое), желание вникнуть во все процессы общего дела, чтобы работать еще лучше и продуктивней – в общем, квинтэссенция идеального труженика, который и работает хорошо при любых условиях, и получает от этого удовольствие. Смысл жизни для таких людей – в работе.

Например, шофер Демин *...был из тех водителей, которые не отойдут от машины, чья бы она ни была, пока не найдут причину ее неисправности. Демин принадлежал к подлинным автомобильным болельщикам. Эти люди отличаются непостижимым упорством и безграничным терпением. В поисках неисправностей они способны кропотливо перебирать одну деталь за другой. Автомобиль для них – больше, чем профессия: это их жизнь* (А. Рыбаков «Водители»).

В романе В. Ажаева «Далеко от Москвы» такую функцию выполняет сварщик Умара Магомет – персонаж для сюжета произведения, в общем, излишний, но важный с точки зрения идеологической. Для него *без работы сидеть – собака-жизнь*. Будучи больным, он тем не менее рвется на стройку, чтобы не *отстать от товарищ и седьмого ноября хотим уже на участка быть, план свой выполнить хотим*. Болезнь для него – «пустяк», который не может и не должен помешать делу: – *Я сварщик, понимаешь? Огонь рука держу – здоров! Огонь рука нет – я больной!* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»).

Важной составляющей данного топоса является также постоянное стремление вперед: каждое дело воспринимается только как очередной этап следующего начинания, что четко соотносится с одним из основных постулатов соцреализма – «правдиво изображать жизнь в ее революционном развитии». Стремление идти вперед связано, естественно, с главной целью труда – построением коммунизма². Эта цель в некоторой степени оправдывает лозунг «счастье советского человека – в труде», делает его менее тенденциозным: в этом случае «счастье труда» воспринимается не как цель, но как средство для достижения наивысшей цели: *Но то, что Любимову казалось завершением, для Полякова составляло только этап. Так было, когда они восстанавливали гараж, так будет и теперь с новыми мастерскими. Этот человек шел вперед, не останавливаясь сам и не позволяя останавливаться другим. Решением всякой задачи он довольствовался лишь постольку, поскольку оно позволяло поставить новую* (А. Рыбаков «Водители»).

Новое отношение к труду, нашедшее отражение в соцреалистических романах, объясняется «особенностями пролетарского государства, как высшая форма проявления энтузиазма трудовых масс, строящих и защищающих социализм» [5].

Топос «человек есть винтик государственной машины»³ так же, как и общее место «счастье советского человека – в труде», напрямую соотносится с топосом «общественный долг превышает личных интересов». Поскольку личное отходит на второй план, на первый план выступает общественная функция человека, то, какую ячейку он занимает в государственной системе.

Топос отражает не идеологические установки советского строя, но реально сложившуюся советскую систему: государство мыслилось как механизм (машина, аппарат), рычаги управления которым были сосредоточены в руках партии; все остальные были составными частями этого механизма, отвечающими за работу той или иной его части. Вследствие этого каждый человек был прежде всего носителем определенной функции: рабочим, колхозником, учителем, руководителем, строителем, ученым, врачом, писателем, журналистом и под., чей труд был направлен на поддержание работы государственного аппарата, налаженной и бесперебойной⁴. «Мы никогда не найдем здесь хотя бы одного немаркированного, немеченого человека, – отмечает Е. Добренко. – Он – существо определенное, вписанное в готовый миропорядок, у него нет собственных, личностных границ, и

иным он быть не может в принципе – таковы законы метода» [4]. Личность человека растворялась в коллективе, поскольку у всех была одна общая задача – строить коммунизм, при этом любая «хозяйственная задача, выполняемая по ходу сюжета, изображается как необходимый этап на пути к высшей цели» [6]: *Москва поразила Василия и Груню <...> размеренным ритмом сложной, большой жизни, в которой миллионы человек четко выполняли свое дело: водили троллейбусы и автомобили, учили детей, принимали иностранных послов, издавали газеты <...>, то есть совершали все то, что давало возможность каждому из них в отдельности и всем им вместе выполнять одну большую, нужную всей стране задачу* (В. Закрыткин «Плавучая станица»).

Беридзе, Ковшов, Тополев («Далеко от Москвы») прежде всего инженеры, чья задача – построить нефтепровод; Максимов, Демин, Пчелинцева – водители, их функция – осуществлять перевозки и бороться за выполнение нормы («Водители»); герои романа В. Закрыткин «Плавучая станица» – рыбаки, поэтому на протяжении всего сюжета они или ловят рыбу, или говорят о том, как улучшить показатели улова.

Топос «человек есть винтик государственной машины» иногда выражается прямо, персонажи сами осознают свою вторичность по отношению к делу: *Неприятно говорить и вместе с тем нельзя скрывать: в некоторых наших отделах пока еще не воспитано честное, ревностное отношение к запросам трассы: не все в аппарате понимают, что мы здесь – слуги трассы и существуем для нее, отнюдь не наоборот* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). Значимость этого топоса такова, что люди интересуются друг другом прежде всего как носителями определенных функций. Рассказывая о героях, об их прошлом, авторы нередко ограничиваются указанием места их жительства и профессии: *По воле судьбы они собрались из разных мест. Сержант Олейник был родом из Муромы, где работал заготовителем пушнины, солдат Осип Чернышев – знаменитый каменщик из Москвы, Федор Кочетов – садовод из подмосковного совхоза, Тихон Кудеяров – колхозный агротехник из-под Владимира, Петро Семиглаз – бригадир колхоза с Киевицны, Нургаей Хасанов – помощник комбайнера из Татарии* (М. Бубеннов «Белая береза»).

Люди неграмотные или малообразованные не вписываются в прокрустово ложе функции, так как не маркированы знаком какой-либо профессии, поэтому важной задачей для госу-

дарства является обучение специалистов, т.е. превращение людей в качественно новое состояние – строителей коммунизма. Обретя профессию, специальность, человек включается в общий процесс строительства, т.е. становится функцией: *Он (советский человек) обязан стать хозяином в том деле, какое он для себя избрал. У нас выросли тысячи руководителей, инженеров, архитекторов, химиков, учителей, врачей – настоящих мастеров. И у нас много еще есть недоучек, просто малограмотных людей* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»).

Е. Добренко отмечает, что «не прописанные» фоновые персонажи – явление типичное, совершенная же немотивированность поведения центральных героев говорит о том, что и они в значительной степени функциональны и вторичны по отношению к главному – к системе, в которой функционируют» [4].

Топос «все граждане советской страны – одна большая семья» в некоторой степени «уравновешивает» предыдущую смысловую модель: будучи функцией, каждый человек тем не менее способен на великие дела, но только в единении с другими людьми⁵: *«У всех у нас одна большая жизнь, – подумал он, – потому что воедино слиты наши цели и каждый знает общую большую мечту, ради которой живет...»* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Единение народа осуществляется в двух основных обстоятельствах: это коллективная работа (строительство, уборка урожая) и война. В первом случае народ объединен общей целью труда на благо родины (здесь происходит перекличка с топосом «счастье советского человека – в труде»): *«У всех у нас одна большая жизнь, – подумал он, – потому что воедино слиты наши цели и каждый знает общую большую мечту, ради которой живет...»* (В. Закруткин «Плавучая станица»); во втором случае общая цель – разгромить врага, т.е. топос неразрывно связан с таким свойством советского человека, как патриотизм: *Люди держали себя как одна семья, перебивавшаяся со старого места жительства на новое, – их сроднила тревога за Москву и сознание того, что они в этот суровый час объединились для общей задачи* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»).

Единение, сплочение людей вокруг какого-либо дела происходит как бы стихийно, за счет коллективного самосознания, которое было присуще новым, советским людям. Это основа их менталитета: *Груня и сама охотно подчинялась тому, что направляло работу людей, и знала, что невидимым дирижером всего, что*

происходило в этот жаркий день на холме, была осознанная людьми сила коллективного, общего труда и далее: *Груня не столько видела, сколько ощущала всем своим существом ладную, согласованную работу трехсот разбросанных по холму людей и так же как <...> все, кто трудился на колхозном поле, чувствовала силу и гордость человеческого единения, могучую общность нужного всему народу труда* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Руководство выступает лишь как направляющий (дает лишь целевую установку) и контролирующий (поправляет или наказывает выбившихся из общей массы) орган: *Рыбаки, дымя махорочными скрутками, переглядываясь, одобрительно покачивая головами, слушали выступление Тихона Филипповича (первого секретаря райкома), открывавшее им глаза на многое, чего они, может быть, еще не знали, но к чему уже тянулись всей душой* (В. Закруткин «Плавучая станица»). При этом руководитель должен осознавать свою слитность с народом: *– Убедить людей, зажечь их, добиться того, чтобы они сами повернулись к тебе лицом и пошли за тобой! Идти впереди народа, но обязательно вместе с народом* (Г. Николаева «Жатва»).

Коллективное самосознание проявляется в том, что люди даже мыслят одинаково: *Все сидели, не шевелясь. Все молчали, охваченные общими думами, ставшими близкими, как становятся близкими люди одной судьбы, люди, с трудом и честью одолевшие беду. Мысли были едины и понятны друг другу. И мысли эти крепче железа сковали и спаяли людей* (Г. Николаева «Жатва»).

Отрыв от коллектива, обособление от общества приводит к тяжелым душевным переживаниям и воспринимается как катастрофа: *А теперь, в дни надвигающейся опасности и величайшего душевного испытания, перед угрозой потерять все, она ощутила в себе упрямую русскую душу и вдруг отчетливо поняла: все ее мечты, замыслы, весь ее труд – лишь крупинки большой народной жизни. Вне широкого потока народной жизни ей нечем будет дышать, нечего любить* (В. Кетлинская «В осаде»).

И наоборот, осознание своей сопричастности обществу делает человека счастливым: *Никогда еще Мария не чувствовала такой гордой радости от того, что она вместе с окружающими ее и милыми людьми – часть родного города и того вернейшего отряда его, что зовется ленинградцы* (В. Кетлинская «В осаде»); *Валентина подняла глаза: – Больше тыся-*

чи, Василий Кузьмич, сделаем! Ты послушай, как люди говорят: «мы», «нам», «у нас». Эти слова нам дороже тысяч! (Г. Николаева «В осаде»).

Чувство коллективизма осознается как достижение нового социалистического строя, что приводит к своеобразной классовому высокомерию: *Гости и хозяйева жили хоть и тесно, но зато дружно, без ссор, – по справедливости, надо сказать: так умеют жить только наши люди* (С. Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды»).

В соцреалистической литературе реализуется также топос «молодость (новое) ценнее старости (старого)». Борьба старого и нового как естественное поступательное развитие общества – одна из центральных проблем многих гуманитарных наук и искусства, одна из центральных, магистральных тем которого – раскрытие конфликта. Наиболее полно она нашла свое художественное воплощение прежде всего в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», где конфликт двух поколений (как предвестник нарастающих общественных потрясений) обрел социально-философское обоснование.

В произведениях соцреализма «борьба старого и нового» получила качественно новую, более широкую интерпретацию и претерпела за время своего существования значительные изменения. Прежде всего она реализовалась в идею «своих и чужих (врагов)», которая была центральной в идеологии советского строя. Главный общественный конфликт 20–30-х годов, нашедший отражение в произведениях литературы и искусства литературы, – борьба с врагами и установление, укрепление новой власти, новой общественной формации. Репрессивная политика власти уничтожила реальных и мнимых внутренних врагов строящегося государства, и конфликт исчерпал себя. В 40–50-е годы появляется литература, «где все течет мирно и гладко, где если и есть конфликт между героями, то только между передовыми и самыми передовыми, хорошими и наилучшими» [6].

Вырождение конфликта заставило литературу вновь обратиться к проблеме «отцов и детей», но рассматривалась она уже не на социально-философском уровне, а на идеологическом: – *Да, я сын казака. Но разве, Федор Лукич, вы не видите, что я похож на своего отца разве лишь тем, что брови у меня такие же пучкастые, как и у него <...> Так чем же я отличаюсь от не казака? Ничем. А станичная молодежь, уезжающая в техникумы и вузы, – что в ней от старого казачества? Жизнь-то на-*

ша, Федор Лукич, не стоит на месте, и мы, молодое поколение, поднялись на несколько ступеней выше своих отцов, на окружающую жизнь смотрим иными глазами, а этому надо только радоваться (С. Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды»).

Новое поколение отличается от старого тем, что *они ведь теперь за весь свет болеют, не то что мы* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Этот конфликт был скорее мнимым, декларативным и заканчивался он почти всегда одним и тем же: представители старшего поколения вначале не понимают молодых (т.е. новых людей), иногда сопротивляются их начинаниям, но в итоге идут за ними, даже учатся у них, т.е. топос сводится к борьбе старых и новых идей.

Классический пример – отношения руководителей стройки Алексея Ковшова, Беридзе и старых инженеров Тополева и Грубского в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы», *которые «во всех этих хлопотах ... держались особняком»*. Грубский и Тополев поначалу не верили в возможность осуществления нового проекта нефтепровода, а Грубский даже сопротивлялся его претворению в жизнь, но в конце концов оба они встали «под знамена» новых идей.

Одной из составляющих данного топоса является также внедрение новых, социалистических способов труда: – *Это ты правильно говоришь. Привыкли мы по старинке хозяйничать на реке: только брать из нее любим, а в остальном на природу надеемся. Колхозник, который на земле работает, далеко от нас ушел. Он теперь на дождик и природу надежду не возлагает, хозяином на своей ниве стал, на полвека вперед расчеты производит, в коммунизм глядит; Закинуть невод и вытащить рыбу легче всего. Так хозяйничали на реке наши деды, но мы не можем так хозяйничать, потому что мы с вами уже другие люди... советские люди... Мы должны научиться сеять рыбу, выращивать ее и ловить столько, сколько нам нужно* (В. Закруткин «Плавучая станица»).

Таким образом, данная система топосов задает тип содержания литературы соцреализма, формирует идеологические и этические рамки этого содержания.

Примечания

1. А. Синявский, проанализировав композиционно-стилистические особенности романа М. Горького «Мать», обнаружил, что «риторика в итоге прорывает реалистическую ткань романа и из нее торчит» [Синявский 1990: 83]. Это утверждение справедливо по отношению ко всем классическим образцам произведений соцреализма.

2. А. Синявский отмечает, что в каждом произведении соцреализма «присутствует понятие цели в прямом или косвенном значении, в открытом или завуалированном выражении» [6].

3. Эта мысль была несколько иначе сформулирована А.Н. Толстым: «Личность является функцией эпохи».

4. Топос находит отражение и в аннотациях книг, а точнее составляет их основную мысль: «Эта книга о нелегком труде шофера, о проблемах организации автообслуживания» (А. Рыбаков «Водители»); «Роман рассказывает о трудовых буднях колхозников-рыбаков» (В. Закруткин «Плавучая станица»); «Роман посвящен подвигу ленинградцев в годы блокады» (В. Кетлинская «В осаде») и т.д.

5. Этот топос замечательно был использован В.В. Маяковским, который, хотя и имел лидерские амбиции, способен был испытывать восторг от приобщения к массам: *Единица – вздор, единица – ноль, / Один – даже если очень важный – / Не подымет простое пятивершковое бревно, / Тем более дом пятиэтажный; Я счастлив, / что я / этой силы частица, / что общие / даже слезы из глаз* (поэма «В.И. Ленин»).

Список литературы

1. Бухаркин П.Е. Элен и «ожившая статуя» (к вопросу о роли топики в реалистической литературе) // В сб.: Риторическая традиция и русская литература / Под ред. П.Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 230–232.

2. Белая Г.А. Угрожающая реальность // В сб.: Избавление от миражей: соцреализм сегодня. М., 1990. С. 48.

3. Лейдерман Н.Л. Живые традиции и мертвые догмы // В сб.: Избавление от миражей: соцреализм сегодня. М., 1990. С. 301.

4. Добренко Е.А. Не по словам, но по делам его // В сб.: Избавление от миражей: соцреализм сегодня. М., 1990. С. 316–317.

5. Свирин Н. Мобилизация литературы. Л., 1933. С. 77–78.

6. Синявский А. Роман М. Горького «Мать» как ранний образец социалистического реализма // В сб.: Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 56–61.

THE ROLE OF TOPOSES IN THE LITERATURE OF SOCIALIST REALISM

N.V. Dubrovina

The work reveals rhetorical patterns of the literature of socialist realism. The analysis is based on the description of toposes which are significant for socialist realism novels. Such patterns form the ideological and ethical framework for the content of socialist realism works.

Keywords: socialist realism, rhetorical pattern, ideological cliché, topos.